

Artykuły, Rozprawy

Статьи, Публикации

Виктор Макаренко

Университет Ростов н/Дону

Кавказ как предмет концептологического анализа

Kaukaz jako przedmiot konceptologicznej analizy

1. Методологические замечания

В отечественном и зарубежном дискурсе о Кавказе принято подчеркивать его историческое, этническое и геополитическое своеобразие. Я предлагаю иной способ обсуждения и систематизации теоретических и политических проблем, связанных с Кавказом. Этот способ прямо или косвенно обусловлен тенденциями, которые наметились в общественном сознании на протяжении последнего десятилетия. Упомяну лишь некоторые из них.

Прежде всего речь идет о переформулировке всех проблем традиционного кавказоведения под углом зрения сравнительно-исторического исследования России и Турции¹. Эта возможность уже

---

¹ См.: Каменский А. Б. Системный кризис и реформы в России и Турции: опыт сравнительного анализа // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.

реализуется в исторической компаративистике, в которой социополитические феномены России, претендующие на «самобытность», сопоставляются с аналогичными явлениями в других культурах, включая страны ислама². Влияние последних на политическую историю Кавказа не нуждается в особом доказательстве. В этом контексте могут быть использованы современные исламоведческие исследования, а также первые результаты сравнительных исследований иудаизма, христианства и ислама³. Распространенность данных религий на Кавказе тоже является общеизвестным фактом.

Каждое из указанных направлений анализа интересно само по себе и может быть предметом особого обсуждения. По крайней мере, когнитивные позиции не в состоянии сразу изменить институциональные структуры социальных наук. Для усиления таких позиций я хотел бы обратить внимание на тенденцию, сложившуюся в эстетической и художественной культуре «позднего социализма». Имеется в виду отечественный концептуализм, в котором поляризация Европы и России и дихотомия «своего» и «чужого» сведена к синтетическому конструкту «свое как чужое и ничто». Русская и советская культура в концептуализме понимается как тюрьма и интернат, а политическая история Российской империи и Советского государства квалифицируется как «государство мух»⁴. Сходные выводы можно обнаружить в первых опытах применения концепций З. Фрейда, К. Леви-Стросса и М. Фуко для анализа русской философии и политической культуры России⁵.

Упомяну также некоторые идеи, сформулированные в моих предшествующих исследованиях. Я попытался показать, что автохтонная русская власть была и остается чужой русскому народу по причине господства власти над собственностью и идеологией⁶. В исторических и социологических исследованиях показано, что интересы государственного аппарата Российской империи и Советского государства всегда довлели над интересами населения страны⁷. Этот аппарат был и остается совокупностью

---

² См.: Хелли Р. Холопство в России: 1450–1725. М., 1998.

³ См.: Льюис Б. Арабы в истории. Варшава, 1995; Армстронг К. История Бога: 4000 лет истории Бога в иудаизме, христианстве и исламе. Варшава, 1995.

⁴ См.: Хансен-Леве А. Эстетика ничтожного и пошлого в московском концептуализме // Новое литературное обозрение. № 25/1997.

⁵ См.: Зимовец С. Молчание Герасима: психоаналитические и философские эссе о русской культуре. М., 1996; Гиренок Ф. Патология русского ума: картография дословности. М., 1998; Плуцер-Сарно А. Государственная Дума как фольклорный персонаж // Логос. № 9/1999.

⁶ См.: Макаренко В. П. Русская власть: теоретико-социологические проблемы. Ростов-на-Дону, 1998.

⁷ См.: Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века: круглый стол // Отечественная история. 1996, № 6; Концепция

властно-управленческих клик. По этой причине теорию элит нельзя применять для описания прошлого и настоящего России⁸.

Для интеграции указанной проблематики я предлагаю конституировать особое направление исследований – политическую концептологию⁹. В ее рамках возможна переформулировка большинства классических социополитических проблем под углом зрения политической вины и ответственности. В общем виде политическая концептология есть междисциплинарный интегративный подход к исследованию, пониманию и моделированию политической реальности. В современной философии науки существуют разные концепции междисциплинарности, анализа и понимания¹⁰. Для конституирования политической концептологии требуется *максимальное дистанцирование* исследователя от реальных социополитических процессов и всего корпуса социогуманитарных знаний при описании политической и социальной истории собственной страны¹¹. Указанные процессы и познавательные схемы в большинстве случаев являются вариантами традиционализма, экономоцентризма, кратоцентризма и идеократии в региональном, национальном, цивилизационном и мировом измерении.

Например, в настоящее время в отечественной политической экономии, социологии, политической науке и историографии используются схемы, которые длительное время господствовали в зарубежной советологии. Эти схемы не дают возможности адекватно отразить происходящие в России процессы¹². То же самое можно сказать о цивилизационном подходе, который на протяжении последнего десятилетия приобрел широкую популярность в научном сообществе России¹³. Однако

национальных интересов: общие параметры и специфика. Материал круглого стола // Мировая экономика и международные отношения. 1996, № 7; Национальные интересы и политические реалии современной России: заочный круглый стол // Политические исследования. 1997, № 1

⁸ См.: Макаренко В. П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат: к методологии исследования // Социологические исследования. 1996, № 11; 1997, № 7; Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? // Социологические исследования. 1999, № 11.

⁹ См.: Макаренко В. П. Политическая концептология // Народы Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Том III. Санкт-Петербург, 1996.

¹⁰ См.: Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996.

¹¹ См.: Макаренко В.П. Тоталитаризм или модернизация: проблема дистанции при описании социально-политической динамики России // Русская философия и проблема модернизации. Краков, 1999.

¹² См.: Малиа М. Советская трагедия: история социализма в России. Нью Йорк, 1994.

¹³ См.: Следзевский И. В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Цивилизации. Вып. 4. М., 1997.

из-за ограниченного объема статьи я не могу входить в детальное обсуждение методологических проблем, а попытаюсь предложить лишь первый набросок проблем содержательных.

2. Исходный тезис и рабочая гипотеза

Кавказ на протяжении последних 500 лет находился в сфере влияния Оттоманской и Российской империи.¹⁴ Одна из них является морской, другая – сухопутной цивилизацией. Однако цивилизационные различия между Турцией и Россией не мешают установить ряд сходных процессов: для обеих стран характерна «догоняющая» модернизация; она осуществляется за счет эксплуатации собственных природных и человеческих ресурсов и завоевания прилегающих территорий; такая модернизация вплоть до XX в. вела к укреплению авторитарной власти с обеих стран; обе страны на протяжении последних 300 лет понесли ряд поражений в войнах со странами Запада; презрение к неверным /Турция/ и недоверие к иностранцам /Россия/ длительное время были стереотипами массовой психологии автохтонного населения и воплощались в религиозных и политических институтах; демократические институты вводились после поражений Турции и России; легитимизация этого процесса осуществлялась за счет трактовки как «возврата» к первичным принципам ислама /Турция/ или превращения религиозной и светской идеологии /православие, марксизм/ в средство обслуживания интересов правящих групп /Россия/; однако введение демократических институтов в обеих странах не сопровождалось разрывом власти и собственности.

Таким образом, *народы и страны Кавказа вынуждены были заимствовать опыт отсталых в отношении Европы соседей. Выбирать из двух зол меньшее, хотя строгой шкалы для его измерения пока не изобретено. А меньшее зло все же оставалось злом. В этом смысле история народов и стран Кавказа была и остается трагичной.*

Мне еще не приходилось слышать о существовании таких теорий модернизации, которые полагают трагический опыт константой социально-политического развития, а все остальные факторы рассматривают как соподчиненные. Поэтому данные историко-политической компаративистики могут пролить бледный свет на реальные трагедии целых поколений. Однако без таких данных обойтись невозможно.

Соседи – Турция и Россия – обладали глубокими и сильными религиозно-политическими традициями. Эти традиции на протяжении

---

¹⁴ Влияние Ирана на народы и страны Кавказа здесь не рассматривается.

длительного времени обосновывали тиранию внутри собственной страны и агрессию в отношении окрестных территорий. Кавказ находился в окрестностях соседей. Оставалось надеяться, что и соседей не минет горькая чаша. Историю государств все еще пишут как историю побед. Для политической концептологии важнее история поражений¹⁵. В том числе – поражений соседей Кавказа. Упомяну главные из них.

Турция потерпела поражение под Веной /1683 г./, после чего европейские державы навязали ей Карловицкий трактат. Затем на протяжении XVIII–XIX вв. она уступала России в войнах в Причерноморье, на Черном море, на Кавказе и на Балканах. В Египте войска Наполеона разгромили мамелюков. Во второй мировой войне Турция была сателлитом Германии и тоже проиграла.

Россия на протяжении XIX–XX вв. проиграла Крымскую войну, войну с Японией /1905 г./, первую мировую войну, войну с Польшей /1920 г./, войну с Финляндией /1940 г./, войну с Афганистаном и «холодную войну» со США.

Эти события оказали решающее влияние на политическую историю соседей Кавказа. Турция *раньше* России начала проигрывать войны со странами Европы. По сравнению с российскими императорами турецкие султаны раньше начали осознать слабость и отсталость своей страны. Внутренние реформы осуществлялись для преодоления отсталости. Уроки в управлении государством приходилось брать у европейцев, которые традиционно считались «темными» в ортодоксальном исламе и православии. Наступила эпоха *вынужденного приспособления* Турции и России к изменению соотношения сил. Пока невозможно утверждать, что эта эпоха полностью закончилась. Но несколько этапов в ней уже можно выделить.

Первый этап был связан с *модернизацией и организацией армии*. Так, в 1793 г. султан Селим III отослал во Францию список инженеров и инструкторов, необходимых для модернизации армии. Правительство революционной Франции оперативно выполнило просьбу. Однако попутным результатом турецко-французских контактов оказались попытки перевода Декларации Прав человека и гражданина на турецкий и арабский языки¹⁶. Иначе говоря, даже модернизация армии способствует сомнению

---

¹⁵ Эта мысль все чаще высказывается в современной методологии и истории науки. Однако в историографии, включая историю науки, по-прежнему господствуют этатистские и либерально-прогресс-систские схемы. См.: Согрин В. В. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996, № 8.

¹⁶ Турецкий историк Азим Эфенди в 1806 г. так описывал результаты контактов между французами и турками: «Некоторые сенсуалисты сбросили покров лояльности и приобретали у французов уроки политики. Некоторые стремились изучить французский язык,

в основаниях деспотической власти. В России тот же самый процесс был осложнен победой над Наполеоном, поражением декабристов и претензией страны на руководство Священным союзом. Взамен контактов Россия начала развивать военно-технический шпионаж во Франции и Англии¹⁷.

На втором этапе руководство Турции начало осознавать военное преимущество Европы как следствие развития ее экономики и политики. ***Начинается реформа администрации.*** Для этого у Пруссии была заимствована идея правового государства, в рамках которого абсолютная власть легитимируется конституцией и парламентом. Однако история введения этих учреждений в Турции растянулась почти на сто лет¹⁸.

Эту историю можно писать сверху и снизу¹⁹. В первом случае акцент обычно делается на модернизационные потуги правительства, которое

брали в свой дом французских учителей и губернаторов, осваивали язык и гордились собственным умением бесконечно болтать. Тем самым неверным удавалось втихую прививать французские обычаи и идеи в сердцах и умах некоторых людей, отличающихся недостатком разума и слабостью веры. Эти обходительные и паршивые голодранцы-французы действовали очень хитро. Вначале они сеяли зерно своей политики в душах людей нашего государства. А затем – да сохранит нас Аллах! – начали подрывать принципы священного закона, искушая и подстрекая правоверных своими идеями». Цит. по: Льюис Б. Ислам и либеральная демократия // Либеральное общество. Краков-Варшава, 1996, с. 182–183.

¹⁷ См.: Очерки истории Российской внешней разведки. М., 1996, т. 1, с. 146–153.

¹⁸ В 1808 г. Байракдар Мустафа Паша созвал совещание, на которое были приглашены высокопоставленные чиновники, губернаторы, паши и нотабли со всей империи. Была принята первая программа реформ и каталог основных законов. Однако султан не утвердил проект, хотя сама идея правового государства сохранилась. В 1829 г. вице-король Египта Мухаммад Али Паша созвал первое заседание консультативного совета, в состав которого вошли чиновники и нотабли. Совет собирался раз в году на 1–2 дня для обсуждения вопросов образования, сельского хозяйства и взимания налогов. В 1845 г. султан Абдулмеджид созвал совещание местных нотаблей, по два представителя от каждой провинции. Согласно распоряжению султана, представители высокого совещания должны были быть избраны «...из числа людей уважаемых и пользующихся доверием, умеющих скопить богатство и хорошо знающих своих земляков». Однако делегаты были дезориентированы самой процедурой совещания, которая совершенно противоречила установленной традиции. Делегаты не знали, какого ответа от них ожидает султан и потому молчали. См.: Льюис Б. Указ. соч., с. 183.

¹⁹ При реконструкции истории создания парламентских учреждений сверху заслуживают внимания следующие факты: в 1861 г. бей Туниса, который в то время находился под властью Османской империи, провозгласил первую конституцию в исламских странах; в 1866 г. кедив Египта созвал первый в мусульманской стране парламент на выборной основе, а затем /в 1869, 1876 и 1881 гг./ выборы повторились; в 1957 г. в Румынских княжествах прошли первые выборы на конкурентной основе. При описании той же истории снизу следует учитывать, что Османское конституционное движение /1860–1870-е гг./ завершилось всеобщими выборами и принятием первой конституции. Первый в истории исламских стран двухпалатный парламент /25 членов Сената и 120 членов Палаты представителей/ действовал в Турции с марта по июнь 1877 г. Затем состоялись новые выборы и следующий парламент действовал с декабря 1877 г. по февраль 1878 г.

прежде всего стремится обеспечить воспроизводство абсолютной власти. Значительно интереснее описание того, как первые оппозиционные движения переплетаются с введением демократических институтов. Эти движения создают *основу для общенационального единения*, поскольку оно противостоит любым племенным, этническим, сектантским и региональным интересам. Общенациональное единение обычно приводит к созданию крайне оппозиционного парламента²⁰.

По крайней мере, учреждение демократических институтов в Турции /всеобщие выборы, конституция, парламент/ *определило* введение аналогичных институтов в России почти на полстолетия. Но органической частью этого процесса является *история разгона и манипуляции* представительными учреждениями. Вряд ли надо специально доказывать, что в России эта история еще не завершилась.

Третий этап вынужденного приспособления Турции к изменению соотношения сил переплелся со вторым этапом. Победа Британии и Франции над самодержавной Россией в Крымской войне еще раз доказала военное преимущество демократических стран. Турция начала заимствовать *радикальные политические идеи* у стран Западной Европы.

Франция предлагала модель революционной демократии. Эта модель выступала в единстве с оптимистической верой в то, что человек по природе добрый. Данная вера поддерживалась не только Ватиканом, но и французским рационализмом эпохи Просвещения. Отсюда вытекало, что власть сама по себе является благом и может быть использована для достижения благих целей.

Англия предлагала модель консервативной демократии вместе с пессимистическим убеждением в том, что зло – главная характеристика человеческой природы. Отсюда вытекало, что даже самые совершенные люди могут использовать власть для достижения дурных целей, если им своевременно не помешать. Поэтому главные гарантии демократии состоят в ограничении власти /с точки зрения сферы, длительности и доступа/ и привлечении к ответственности /устранении/ людей, осуществляющих власть.

---

²⁰ Султан распустил второй парламент со следующей мотивировкой: «Поскольку сложившиеся обстоятельства не способствуют тому, чтобы парламент удовлетворительно выполнял свои обязанности, а в соответствии с конституцией ограничение или завершение сессии парламента сообразно текущим потребностям принадлежит к числу священных прерогатив султана, постольку согласно упомянутой конституции издан Высочайший Указ Султана о том, что настоящая сессия сената и нижней палаты, которая должны была закончиться в начале марта, прекращает свою деятельность с сегодняшнего дня». Там же, с. 184–185.

Здесь можно остановиться и поставить вопрос: какая из моделей демократии в большей степени подтверждается исторически и эмпирически? Ответ ясен настолько, что не требует специальных доказательств. Однако для более глубокой аргументации требуется сопоставление ислама с православием на предмет того, какая концепция человеческой природы /доброй или злой/ в них преобладает. Рабочая гипотеза такого сравнения может быть сформулирована следующим образом: чем в большей степени в каноне религиозной и светской идеологии содержится представление о доброй природе человека и творческой природе власти, тем больше вероятность того, что это представление будет использовано для легитимизации деспотической власти. Как известно, Турция и Россия соперничали между собой в насаждении среди народов Кавказа ислама и православия. Однако каждая из данных религий тяготеет к акцентированию представлений о человеке как добром по природе, а власти – как абсолютной и творческой. В этом смысле процесс распространения ислама и православия на Кавказе может быть описан как *корреспондирование*, хотя реальная история данного процесса была и остается кровавой.

Отправные пункты для изучения такого корреспондирования сформулированы в уже упоминаемой работе К. Армстронг. Она провела семь лет в монастыре, детально изучила мировые религии и в настоящее время является советником по вопросам религии в Великобритании. Сравнивая иудаизм, христианство и ислам на протяжении всей истории данных монотеистических религий, она зафиксировала ряд общих свойств: в указанных религиях не существует единой универсальной идеи Бога; каждая из них является крайне прагматичной, несмотря на свою запредельность; во всех трех религиях формулировался идеал социальной справедливости, однако евреи, христиане и мусульмане предали этот идеал и превратили собственного Бога в покровителя существующего порядка; каждая религия не в состоянии преодолеть зависимость идеи Бога от личных убеждений; в результате чего верующий может быть республиканцем, социалистом, революционером, расистом, фашистом и т.д.; каждая из указанных религий проповедует идеал активизма и стремится воплотить волю бога на небе и на земле; превращение данных религий в государственные обычно усиливает вражду между представителями различных конфессий одной и той же религии; каждая религия отказывается признавать неопровержимые исторические факты во имя индивидуального и группового спасения; ни одна религия не в состоянии воплотить в жизнь бескомпромиссный этический кодекс, хотя идея такого кодекса может быть обнаружена в каждой из них²¹.

---

²¹ См.: Армстронг К. Указ. соч., сс. 24, 25, 45, 185, 228, 276, 343, 405.

Таким образом, даже поражения Турции и России в войнах со странами Европы и попытки осуществить военную, административную и политическую модернизацию *не привели* к освобождению ислама и православия от перечисленных свойств. Может быть, политическую историю Кавказа надо рассматривать с точки зрения того, насколько противоборствующие здесь религиозно-политические силы способствовали освобождению коренного населения от общих свойств монотеистических религий? Или квалификация Кавказа как «сурового края свободы» была и остается красивой и ни к чему не обязывающей метафорой?

Для преобразования рабочей гипотезы в исследовательскую программу можно использовать результаты современной политической философии. Она оперирует нормативным понятием человека, главными свойствами которого полагаются разумность, коммуникативность и нравственность, воплощенные в идеале свободы²². Поэтому крайне важно *выявить меру свободы автохтонного населения Кавказа не только от общих свойств монотеистических религий, но и от материального своекорыстия, политического властолюбия и стремления к духовному господству*²³. Задача, видимо, состоит в разработке конкретной методики такого измерения. А поскольку ее не существует, то ни Турция, ни Россия и никакая другая страна, включая страны Европы, не могут служить примером для подражания. Скорее наоборот: история соседей Кавказа была и остается воплощением своекорыстия, властолюбия и тяги к духовному господству. Проблема операционализации данной гипотезы требует особого обсуждения, которое выходит за рамки данной статьи.

3. Распад империй и фундаментализм

Поражение России в войне с Японией пробудило надежды в исламских странах. Впервые в истории небольшое азиатское государство победило большую евроазиатскую империю. Турецкие ученые и политики того времени заметили, что Япония была первой азиатской страной, которая ввела западные политические институты – конституцию и двухпалатный парламент²⁴. Кроме того, после поражения в войне с Балканскими странами и Россией /1876–1878 гг./ Великая Порты начала распадаться.

---

²² См.: Капустин Б. Г. Что такое «политическая философия»? // Политические исследования. 1996, № 6, с. 83–86.

²³ См.: Макаренко В. П. Теория бюрократии, политическая оппозиция и проблема легитимности. Санкт-Петербург, 1996.

²⁴ См.: Льюис Б. Рождение современной Турции. Варшава, 1972, с. 231–234.

Австро-Венгерская империя распалась после первой мировой войны. Процесс распада Германской империи осложнился воссозданием Третьего рейха, потерпевшего поражение лишь в 1945 г. А Российская империя в виде СССР продолжала свое существование до 1991 г.

Отсюда вытекает, что нынешняя ситуация на Кавказе может рассматриваться в *контексте распада Османской и Российской империи*. Причем, первая опять опередила вторую более чем на столетие. Но эффект опережения был связан с тем, что сам факт существования империй порождает универсальные проблемы, неразрешимые в рамках больших государств.

Ф.Бродель систематически рассмотрел данные проблемы, сравнивая Османскую и Испанскую империю в период их наибольшего могущества /1550–1650 гг./, и пришел к выводу о том, что с точки зрения данных проблем нет существенного различия между Востоком и Западом, европейскими, азиатскими и евроазиатскими империями. Речь идет о процессах, которые Ф.Бродель определяет как причины силы и слабости /падения/ империй:

- 1) появление класса государственных чиновников;
- 2) феномен торговли государственными должностями;
- 3) развитие конфликта между центром и периферией;
- 4) использование финансов и кредита для достижения имперских целей²⁵.

Первый процесс связан с тем, что всякий новый чиновник моментально присваивает себе часть государственной власти. Причем, для властно-управленческого аппарата империй характерно религиозное ренегатство²⁶. Империи дают возможность чиновникам делать церковную и политическую карьеру одновременно. Нет существенных различий между сословием юристов, воспитанных на римском праве, и юристами-эзегетами текстов Корана. Те и другие способствовали укреплению и подрыву имперской власти одновременно. В империях развивается специфический феномен «отрыва от корней» класса чиновников, в результате чего среди них появляется безработица. И они же способствуют ее превращению в «норму» социально-экономической жизни.

Торговля должностями приводит к тому, что государство лишается собственной власти в пользу отдельных лиц. Эти лица обычно стремятся закрепить должность и связанные с нею доходы за своими потомками,

---

²⁵ См.: Бродель Ф. Средиземное море и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II. Гданьск, 1977, с. 30–51.

²⁶ Так, на протяжении 1453–1623 гг. из 48 великих визирей Турции только 5 были турками, 1 черкес, 10 неизвестного происхождения, 6 греков, 11 албанцев и сербов, 1 итальянец, 1 армянин, 1 грузин. Там же, с. 30.

создавая для этого особые законы. В итоге имперская бюрократия переплетается с патернализмом и оказывает громадное влияние на состояние государственных финансов. На всех уровнях государственного аппарата существует грабеж, из-за чего империя становится жертвой собственных чиновников, а государство превращается в участника грабежа, осуществляемого его функционерами. По мере роста чиновников усиливается дезорганизация государства.

Конфликт между центром и периферией ведет к тому, что власть не может быть эффективной даже на низах политической иерархии. Низшие и малозаметные должности могут приносить доход их обладателям, который намного превышает доходы на вершине иерархии. В результате падает авторитет верховного лица - султана или императора. Развивается феномен «бегства в столицу», поскольку в провинции никто не может защитить подданных от произвола. Наряду с непомерным разрастанием столицы увеличивается коррупция вершины властно-управленческой иерархии. Коррупция становится независимой «теневого властью», к которой вынуждены прибегать все подданные, если стремятся обойти закон.

Наконец, превращение финансов и кредита в ресурсы государства ведет к росту влияния зарубежных организаций на внутреннюю политику империй. Инициатором долгосрочных кредитов обычно бывают религиозные центры /типа Ватикана/, которые стремятся при обретать светские, но политически значимые должности, в государствах-кредиторах. Вместе с этим происходит рост кредитного рынка и государственных ценных бумаг, из-за чего правительства империи попадают во все большую зависимость от международных финансовых организаций.

Следует еще раз подчеркнуть универсальность описанных процессов, снимающих различие между Турцией, Россией и Европой, исламом и христианством. В результате политика империй превращается в «замкнутый круг» решения одних и тех же проблем, в отношении которых бессильны реформаторы и революционеры. Одновременно указанные процессы практически целиком заполняют сферу политического. И потому политика как сфера реализации ценностей свободы, равенства и справедливости просто *не может появиться*.

Зафиксированные Ф. Броделем и другими исследователями универсальные проблемы существования империй накладываются на специфические процессы, связанные с их распадом. Среди них Б. Льюис отмечает: государства, возникшие на развалинах империй, обладают чрезвычайно большой силой самосохранения даже в крайне неблагоприятных обстоятельствах; распад империй доказывает исключительную устойчивость и растущую силу государства как

политического фактора; на протяжении периода распада империй новые государства становятся «змеиным клубком» интересов, зависимостей и карьер; государство превращается в самодовлеющую ценность не столько по причине своей способности решать социальные проблемы, сколько из соображений удовлетворения материальных интересов все большего слоя людей, не создающих ни материальных, ни духовных ценностей; генезис новых правящих элит сопровождается преобразованием государства в сословный институт²⁷.

Универсальные процессы существования империй и специфические особенности их распада с точки зрения влияния на политическую историю Кавказа пока детально не изучены. Следовательно, преждевременно говорить о какой-либо политической самостоятельности существующих здесь государств, если указанные процессы и особенности не стали предметом сознательного и свободного противодействия политического руководства данных государств. Грубо говоря, все описанные явления можно обнаружить в каждом из них. Но ни Турция, ни Россия не смогли преподнести своим «лимитрофам» предметных уроков по освобождению от данных процессов и особенностей. Наоборот, каждая из соседних империй навязывала народам Кавказа свой собственный опыт государственного существования, превращая его в «норму» и повседневную рутину. Сколько времени займет освобождение от него? – ответить невозможно.

Что касается процесса распада советской империи, то политико-когнитивные позиции его изучения только формируются. Отмечу следующие из них: значительная часть властно-политического истеблишмента нынешней России квалифицирует империю как позитивное политическое образование и предлагает двигаться в этом направлении; одни ученые предлагают концепт «мышления против империи», другие настаивают на необходимости «внутреннего наблюдателя» империи²⁸. Но характерно, что сторонники конкурирующих геополитических концепций /атлантизма и евразийства/ уже зафиксировали тенденцию *воспроизводства империи* в современной России, в том числе агрессивные притязания ее руководства на страны так называемого «ближнего зарубежья»²⁹. В этом контексте анализ опыта распада Османской империи

---

²⁷ См.: Льюис Б. Многоуровневая идентичность Ближнего Востока // Идентичность в период изменений. Краков, 1995, с. 115–117.

²⁸ См.: Подорога В. А. Россия. XX век. Власть // Дружба народов. 1994, № 3; Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политическая проблема // Вопросы социологии. 1992, т. 1, № 1.

²⁹ См.: Бжезинский З. Большая шахматная доска. М., 1998; Дугин А. Основы геополитики. М., 1997.

становится элементом познавательного, политического и морального дистанцирования, о котором шла речь в начале статьи.

В первой мировой войне Австро-Венгерская и Германская империя распались, а в России произошла революция. Тем самым подтвердились истинность положений, высказанных классиками политической мысли Европы еще в XVIII–XIX вв.: демократические государства обычно не начинают войну, зато успешно ее заканчивают; демократия не способствует мудрости нации, зато делает ее здоровой и сильной.

После 1918 г. на всем пространстве бывшей Османской империи начали создаваться конституционные монархии и парламентарные республики. Однако в 1930-е гг. в странах Европы и США разразился кризис. Кроме революционной и консервативной демократии Европа стала пропагандировать модель фашизма /Италия/ и нацизма /Германия/. Советская Россия внедряла на своей территории модель социализма.

В 1945 г. фашизм и нацизм были побеждены. Но в числе победителей оказалась одна из наиболее кровавых диктатур XX в. После этого термин «демократия» начал использоваться для обозначения однопартийных диктатур, соединяющих свойства фашизма, нацизма и социализма. Речь идет о так называемой «советской демократии», предлагающей модель плановой экономики как способ решения всех социальных проблем. Не все исламские страны смогли устоять от соблазна использовать эти модели, хотя попытки такого заимствования завершились крахом. Кроме того, после поражений в войнах и Израилем /1948 г. и 1967 г./ исламские страны начали модернизировать армию, а некоторые из них стремятся овладеть технологией производства ядерного оружия.

Не следует ли отсюда, что во второй половине XX в. повторяется ситуация после поражения Турции под Веной? Для ответа на этот вопрос требуется подробный разбор концепций, *институционализированных* в деятельности дипломатических, оборонных и разведывательных агентств исламских стран на протяжении последних 50 лет. Ясно, что эти вопросы традиционно относятся к сфере государственных тайн. Однако без такого анализа трудно установить степень политического эпигонства и оригинальности руководства нынешних стран Кавказа.

Надо учитывать, что от «весны народов» до периода деколонизации в новых государствах распространялось понимание *свободы как независимости*. В этом процессе свобода и независимость выступали как синонимы. Однако после установления новых государств стало ясно, что политическая независимость и суверенитет не означает свободу. Нередко политическое оформление автохтонной власти связано с тем, что общество теряет даже ту долю свободы, которую оно имело в условиях имперского или колониального правления.

После установления независимости в новых исламских государствах обнаружили две тенденции политического развития: традиционная автократия, в которой более или менее соблюдаются правила старого порядка; тирания доморожденных диктаторов, претендующих на тотальный контроль общества. На пространстве бывшего СССР эти процессы стали развиваться недавно. Требуется хотя бы предварительная систематизация возникающих в связи с этим проблем.

После деколонизации исламских стран сторонники радикальных изменений разделились на «фундаменталистов» и «демократов». Каждая из указанных групп может пользоваться различными, а то и противоположными идеологиями. Проследить их взаимосвязь и политический потенциал нелегко.

Прежде всего речь идет о термине «фундаментализм». Он возник для обозначения серии протестантских трактатов, опубликованных в США в 1910-е гг. Их содержание может быть сведено к двум главным идеям: отбрасывание либеральной теологии и критики Библия; провозглашение буквальной святости и безошибочности библейских текстов. Иначе говоря, смысл так понятого фундаментализма ограничивается обсуждением религиозно-теологических проблем. Следует ли в таком случае использовать термин «фундаментализм» для обозначения современных исламских движений?

В истории исламских стран были периоды, когда религиозно-теологические проблемы приобретали центральное значение. Но сегодня они главными не являются. Тогда как вторая идея протестантских теологов – провозглашение святости и безошибочности Священного писания – в исламе никогда не была предметом спора. Приписывание данных качеств Корану было и остается аксиомой.

Короче говоря, использование термина «фундаментализм» для обозначения только мусульманских движений *ошибочно*. Однако американское содержание термина проникло в Россию и сегодня широко используется в средствах массовой информации, парламентских дебатах и даже в научной литературе. На самом деле фундаментализм характерен не только для ислама, но и для иудаизма и христианства в его католической и православной модификации.

В частности, основанием иудейского фундаментализма является хасидизм, который возник под влиянием Французской революции. Хасиды первыми отбросили все формы мистической религиозности во имя революционной политической деятельности, которая должна создать «новый мир». Для обоснования революции еврейские философы конца XVIII – начала XIX вв. полагали допустимым давать такую интерпретацию истории, которая не имеет ничего общего ни с фактами, ни со здравым

рассудком. Они первыми сочинили также «научный иудаизм», опередив «научный социализм» и «научный атеизм» классиков марксизма. Тогда как идея «духовности» политической деятельности возникла в сионизме для маскировки материальных интересов революционеров и создателей еврейского государства³⁰.

Католический фундаментализм наиболее распространен в США, в которых экстремистские и апокалиптические лозунги всегда были популярны. Этот фундаментализм непосредственно связан с деятельностью правых сил. Они требуют запрета аборт, обострения моральных и социальных норм, ликвидации любого милосердия по отношению к инаковерующим. Католические фундаменталисты полагают, что всех евреев и мусульман пожрет адский огонь, а все религии Востока есть дело сатаны³¹.

Для православного фундаментализма характерно жуткое упоение властью, отбрасывание идеи об упрямой инерции зла, всосавшегося в духовную конституцию русского народа, толкование русской судьбы как истории государства, отбрасывание идеи о том, что христианская семья является разрывом кровных связей, а не ячейкой общества, и провозглашение идеи единства церкви и государства³².

Короче говоря, любой фундаментализм базируется на проведении абсолютной грани между «своим» и «чужим» и провозглашении власти главной духовной ценностью. Речь идет о крайней политизации религии. К.Армстронг отмечает, что судорожная политическая деятельность фундаменталистов есть отступление от Бога и новая форма идолопоклонства: «Фундаменталисты – это крестоносцы нашего времени. Они обычно обращаются к примитивному эпосу, возлагая на алтарь племенные ценности и идеалы, которые являются выдумкой человеческого ума. Фундаменталисты отвергают идею Бога как трансцендентальной действительности, которая противостоит всем человеческим пред-рассудкам»³³.

Таким образом, исламский фундаментализм должен восприниматься и оцениваться в контексте *универсальности фундаментализма как формы религиозности и его крайней политизации и трайбализма*. Адекватность оценки исламского фундаментализма на Кавказе зависит от того, насколько научное и политическое сообщество России в состоянии освободиться от фундаментализма православного, провозглашающего власть и трайбалистское деление мира главной духовной ценностью.

---

³⁰ См.: Армстронг К. Указ. соч., с. 343, 347, 350, 382.

³¹ Тамже, с. 404.

³² См.: Флоровский Г. Ф. Евразийский соблазн // Мир России – Евразия. М., 1995.

³³ Армстронг К. Указ. соч., с. 404.

Между тем события после 1991 г. пошли в ином направлении. Мера ответственности за них все еще не определена. Нет пока и социологически надежного ответа на вопрос: не следует ли рассматривать распространение фундаментализма на территории бывшего СССР как реакцию на универсальные свойства и специфические особенности распада империй – османской и советской? Поэтому описание исламского фундаментализма может быть лишь предварительным этапом на пути познания фундаментализма православного, а также других модификаций фундаментализма.

Главный предмет интереса современных исламских фундаменталистов – власть. С нею связан корпус главных идей: исламское общество было введено в заблуждение неверными и мусульманскими отщепенцами; последние более опасны по сравнению с первыми; по примеру стран Запада или под принуждением отщепенцев мусульмане отошли от принципов Корана и приняли варварские /светские/ законы и ценности; все зарубежные идеологии /либерализм, консерватизм, социализм и даже национализм/ есть зло, поскольку они противопоставляют мусульман друг другу; в настоящее время исламский мир переживает последствия отхода от законов Корана и обычаев шариата и культивирования варварской практики неверных; главным средством борьбы с этой тенденцией является джихад /газават/ – священная война; она вначале ведется против отщепенцев, захвативших власть; после победы над ними и реисламизации общества наступит эпоха длительной войны исламских стран с неверными, которые узурпировали решение главных вопросов устройства мира.

С этими идеями связано отношение фундаменталистов к демократии. Она рассматривается как зло. Исламские лидеры обычно приходят к власти с помощью оружия и пропаганды идеи собственного посланничества. В этом смысле они могут квалифицироваться как самозванцы. После прихода к власти фундаменталисты используют процедуру выборов. Отношение к данной процедуре может быть обозначено правилом: один человек, один голос, один раз. Остальные демократические процедуры отвергаются.

Фундаменталисты провозглашают также лозунг «возврата к истокам». Его привлекательность зависит от того, насколько ухудшилось положение населения в результате реформ.

В странах ислама невозможно ставить под сомнение принципы Корана, исламской революции и республики. Поэтому позиция демократов переплетается с позицией фундаменталистов. Целью сторонников реформ является более «аутентичная» демократия по сравнению с предшествующей. Речь идет о демократии, не ограниченной никакими племенными, региональными, идеологическими, религиозными и т.п.

интересами. Советская империя проиграла «холодную войну» с Западом. Этот проигрыш осознается лидерами исламских стран как новое подтверждение преимуществ демократии. Иначе говоря, отношение к демократии остается утилитарным³⁴.

В целом в мире ислама господствует недовольство и разочарование. Потеряли смысл все прежние ценности национализма, с оциализма и национального социализма, заимствованные в Европе и в России для идеологического обоснования модернизации. Только фундаменталисты и демократы пропагандируют ценности, которые

стоят выше индивидуальных и групповых интересов. Однако правительства исламских стран не отождествляют себя ни с фундаменталистами, ни с демократами. Они сохраняют власть в своих руках, делая символические уступки тем или другим в зависимости от политической конъюнктуры³⁵.

В этом политическом контексте происходит становление демократии на Кавказе.

Перспективы демократии на Кавказе

Сможет ли демократия укорениться в новых государствах Кавказа? Смогут ли мусульманские народы Кавказа создать такую форму демократии, которая будет соответствовать их историческим, культурным и религиозным традициям – и в то же время исключать вооруженный захват власти, быть свободной от имперского прошлого соседей /Турции и России/, гарантировать свободу индивида и права человека? На этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. От давления имперского прошлого пока несвободно ни одно государство. Кроме того, на основе ислама и православия /не говоря о политической конъюнктуре/ могут быть

---

³⁴ В этом отношении происходит дифференциация восприятия западной демократии и массовой культуры. Раньше в исламских странах США воспринимались как один из представителей западной цивилизации. Теперь все более подчеркиваются глубокие различия между элитарной европейской и массовой американской демократией и культурой. Следует учитывать, что в отличие от Англии, Франции, Германии и России США никогда не имели колоний в исламских странах и не выработали имперского подхода к колонизованным нациям. Одновременно американская массовая культура обладает свойствами либеральности, привлекательности и ассимилятивности. В целях уменьшить ее влияние во многих исламских странах формируется политика в области информации.

³⁵ Правда, поддержка режима С. Хусейна арабскими странами в очередной раз подтвердила старую арабскую мудрость: самый недостойный мусульманин лучше самого достойного гяура. Следует напомнить, что и некоторые политические движения России поддерживают этот режим.

даны разные ответы на эти вопросы. Сами вопросы в обозримом будущем останутся предметом дискуссии. Все зависит от того, какой из «ответов» победит и политически институционализируется.

В настоящее время посткоммунистические лидеры жонглируют понятием демократии, не вдумываясь в его смысл и политическое содержание. Пока воспринимается лишь внешняя сторона демократии, по аналогии с европейскими костюмами и сценографией. Правительства посткоммунистических стран используют демократию утилитарно – как клапан безопасности для «выпуска пара», который позволяет решать мелкие вопросы и устранять накопившееся недовольство. В то же время демократия не стала средством контроля общества над правительством. Приоритет исполнительной власти /т.е. бюрократии/ над законодательной и судебной стал общим правилом России и стран Кавказа.

Вряд ли надо специально доказывать, что демократия – продукт европейской цивилизации. И с *исторической* точки зрения ислам и православие всегда были частью иудео-христианского и греко-римского наследия. В этом смысле они создают благоприятные перспективы для демократии. Зато с *политической* точки зрения перспективы демократии в странах ислама и православия остаются крайне неопределенными.

В настоящее время в Исламскую Конференцию входит около 50 государств. Из них только Турцию можно признать демократией в западном смысле слова. Но и здесь путь к ней нельзя считать завершенным, хотя он длится уже почти 150 лет. Остальные исламские страны могут быть разделены на три вида: в которых демократии никогда не было; которые пытались установить демократию, но потерпели поражение; которые экспериментируют с идеей разделения власти, но реальную власть отдавать не собираются.

Что касается православных стран России, Украины и Беларуси /без западных областей/, Грузии, Армении, Греции, Румынии, Сербии и Болгарии, то большинство из них длительное время находились под турецкими или российскими владычествами. А демократия была лишь эпизодом их политической истории. Это еще раз доказывает, что даже проблема определения «меньшего зла» при выборе странами Кавказа путей политического развития становится крайне запутанной и противоречивой.

Можно исходить из того, что исламский фундаментализм /как и всякий другой/ не тождествен исламу, а лишь одна из его модификаций. Он претендует на оригинальность и собирается стать «стражником чистоты» ислама. Однако об оригинальности не может быть речи. Ж. Минуа показал, что идея «священной войны» содержится в христианской Библии. Она была характерной не только для эпохи крестовых походов, но и широко пропагандировалась большинством европейских стран на протяжении XIX

– первой половины XX в. И крайне характерно, что национальный клир несет прямую ответственность за соединение идеи «священной войны» с фактом существования национальных государств³⁶. К чему это привело – уже всем хорошо известно!

История СССР позволяет сделать еще один вывод: после взятия власти в руки сторонников одной политической идеологии «идеологическая чистота» становится настолько отталкивающей, что ее невозможно достичь даже массовыми репрессиями. Любые попытки забыть эти факты не могут быть согласованы с демократией. Это относится к любому фундаментализму. То же самое относится к таким религиозным и светским идеологиям, для которых проблема власти является центральной. Власть на протяжении всей истории еще не способствовала «чистоте» ни одного вероучения и мировоззрения. Она всегда их деформировала.

Под этим углом зрения может быть рассмотрен блок цивилизационных проблем, возникающих на Кавказе.

Каждая цивилизация формулирует свою концепцию идеального правительства и личности. Для воплощения данной концепции создаются политические и социальные институты, более или менее успешно ее реализующие. В этом смысле концепции юридического лица и представительных учреждений, вытекающие из римского права, являются критериями демократии. Они могут использоваться также для классификации проблем, от решения которых зависит развитие демократии на Кавказе, испытывающего сильнейшее влияние имперских соседей. Речь идет прежде всего о *преодолении* главных форм взаимосвязи власти и собственности: в странах Запада с помощью денег покупают власть; на Востоке с помощью власти делают деньги.

В этом контексте следует напомнить, что ни в русском, ни в исламском праве нет концепции юридического лица. Правда, исламское право признает вааф – сообщество купцов и предпринимателей, исповедующих принципы Корана. После основания оно становится независимым бытием и теоретически может существовать бесконечно, имея право на обладание, приобретение и продажу собственности. Однако такие сообщества никогда не выходили за рамки своих первичных целей и не достигали статуса юридического лица в частном предпринимательстве, религии и политике.

Мусульманское правительство почти во всех своих функциях персонализировано. Нет государства, суда, города как политических, юридических и социальных институтов. Есть только властители, судьи, махалля и т.д. Согласно Корану, исламское государство не обладает

---

³⁶ См.: Минуа Ж. Церковь и война: от библейских времен до атомной эры. Варшава, 1998, с. 347–390.

законодательной функцией и потому законодательные учреждения ему не нужны. Нет принципов представительства и коллективного принятия решений. Не определен статус купцов и предпринимателей и их место в политической жизни. В результате средние слои находятся в состоянии хронической неопределенности. Подвергаются постоянной угрозе экспроприации и лишения жизни. Даже богатые люди не уверены в своей собственности, поскольку в любой момент она может быть конфискована властями разного ранга. Социальная роль критики вершины и всех звеньев властно-управленческого аппарата не институционализована. Послушание подданных квалифицируется как религиозная обязанность, а непослушание – как грех и преступление. В результате история исламских государств предстает как бесконечная цепь властителей.

Процессы модернизации в России и в исламских странах на протяжении XX в. способствовали усилению авторитарной власти³⁷. Современная технология, средства коммуникации и вооружения значительно увеличили возможности надзора, индоктринации и репрессии. Непомерно возрос арсенал средств, с помощью которых государственный аппарат может контролировать общество. Благодаря выработке тоталитарных идеологий в Германии и в России и их импорту в исламские страны произошло освящение власти и фанатизация населения.

Одновременно модернизация ослабила или элиминировала значение религиозных запретов, которые ограничивали прежние формы авторитарной власти. В прошлом ни один турецкий султан, арабский калиф и русский царь не обладал настолько всепронизывающей властью, которой сегодня могут пользоваться даже самые мелкие диктаторы. В результате насилие стало повседневной реальностью политической жизни и уже никого не волнует.

Я далеко не исчерпал всех проблем концептологического анализа политических процессов. Перспективы демократии определяются их решением. Насколько мне известно, ни правительство России, ни правительства стран Кавказа не располагают программой практического противодействия описанным процессам и феноменам. Тем важнее становится их теоретическая систематизация.

---

³⁷ См.: Чешков М. А. Развивающийся мир и посттоталитарная Россия. М., 1994; Неозатизм: мировые и локальные измерения // Политические исследования. 1996, № 2.